

«НОВАЯ» РУССКАЯ ИДЕЯ:

Творчество, соборность и космизм

Любая самостоятельная культура опирается на целостное мировоззрение. Внутри этого мировоззрения всегда можно найти его главную «национальную идею», которая зажигает сердца и движет людей к великим свершениям. Квинтэссенцией западноевропейской цивилизации стал лозунг французской революции: «Свобода, Равенство, Братство». Этот лозунг на протяжении всего периода перехода от феодализма к демократическому обществу воодушевлял народы Европы. И можно уверенно утверждать, что этот лозунг и до французской революции был неявной «национальной» идеей Европы, а после революции стал таковой для всей Европы. Так что для многих историков различия народов Европы не столь существенны, по сравнению с их культурной, исторической и идеологической общностью. И если сегодня эту формулу упоминают редко, то это не значит, что ее забыли и тем более от нее отказались. Эта формула уже вошла в основу западной идеологической концепции, будь то идеология либерализма, американская Декларация независимости, Всеобщая декларация прав человека¹ или общая концепция демократических свобод.

Когда некоторые публицисты в России утверждают, что поиски национальной идеи для России — это признак некоторой убогости националистического мышления, они либо ничего не понимают в идеологии, либо намеренно лукавят. Ибо идеологизированность и европейского и американского общества в настоящее время на порядок превосходит идеологизированность общества российского. Разница лишь в том, что свою «национальную» идею Европа давно уже трансформировала в сложную конструкцию из всевозможных концептуальных правил, которые насквозь пронизывают все западное общество, и она просто растворилась в них. Поэтому западному обществу можно делать вид, что оно полностью деидеологизировано, и одновременно при этом свою идеологию выдавать за общечеловеческую, утверждая, что общечеловеческие ценности как аксиомы не требуют никакого обоснования и доказательств. Образно говоря, более зрелая Западная цивилизация давно уже прошла период юношеского романтизма, когда ищется свой путь в человеческой истории, и сегодня может себе позволить посмеиваться над поисками таких путей для других, более молодых цивилизаций, в частности российской.

Но действительно ли «общечеловеческие ценности», идеи либерализма и демократии являются вечными и не требуют доказательства? Легко показать, что это далеко не так. Да, эти идеи принадлежат сегодня всем народам Земли, да, они не имеют национальных черт. Но при этом эти идеи, сконцентрированные в лозунге «Свобода, Равенство, Братство», одновременно четко привязаны к конкретному историческому этапу развития цивилизации и уже поэтому ограничены в своей актуальности конкретным временем. Другими словами, было время, когда они были преждевременны и не могли быть двигателем развития человечества, и будет время, когда они уже устареют и перестанут воодушевлять человечество. Стоит только провести мысленный эксперимент и представить, что подобный лозунг был бы выдвинут в Европе в Средние века, когда там доминировала власть клерикалов и аристократии, как становится ясно, что очевидность современной идеологической конструкции западного общества — выдумка, что вся эта конструкция — порождение определенного этапа его развития. И более того, уже сегодня видно, что западное общество в будущем будет все более удаляться от этого идеала, от этого лозунга, скатываясь к имперскому мировоззрению. Отсюда следует вывод, что национальные идеи меняются в зависимости от фазы развития общества. И это — одна из общих особенностей всякой национальной идеи. Поэтому невозможно выдвинуть одну национальную идею на все времена для всех людей, невозможно выдвинуть одну главную идею для одного народа, одной нации для всех фаз развития этого народа и

нации. Для каждой национальной идеи есть время ее созревания, время ее осмысления и формулирования и есть время, когда она, как стяг, поднимается самим народом ввысь и ведет его к великим свершениям, воодушевляя на общечеловеческие подвиги. Любая национальная идея должна быть **актуальной**.

Национальные идеи на разных этапах развития культуры меняются, меняются национальные идеи в разных культурах, но их общее свойство заключается в том, что они вбирают в себя **самые животрепещущие мечты** общества. Это является второй особенностью настоящей национальной идеи. Национальная идея обязана быть направлена в будущее, она не может ориентироваться ни на прошлые достижения народа, ни фиксировать его настоящую структуру. Так, например, для русского народа времен царской России была, пожалуй, актуальна национальная идея, выраженная в двух понятиях — «земля и воля». Попытка заменить эту скрытую истинную идею на «официальную», выдвинутую в первой половине XIX века министром просвещения С.С. Уваровым: «Православие, Самодержавие, Народность», ничего не дала России и не спасла ее от революции, которая разрушила до основания и старую Россию и этот лозунг, и православие, и самодержавие, и по сути дела — народность. Большевики в этом отношении гораздо более тонко чувствовали истинные народные настроения, выдвинув временный лозунг: «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам». А впоследствии на протяжении 70 лет воодушевляли пассионарную часть русского народа другой идеей — идеей построения коммунизма на всей земле. И эта идея, как бы ее сегодня ни высмеивали псевдодемократы, действительно воодушевляла народы СССР и вела их вперед. Ибо третьей особенностью национальной идеи является ее **исходная неосуществимость**, невозможность реализовать до конца. Национальная идея в этом смысле не может быть прагматичной. Национальная идея должна светить народу, как путеводная звезда, быть такой же ясной, манящей и недостижимой.

В самом деле, если выдвинуть какую-либо конкретную материальную идею, например обеспечить все население СССР к 2000 г. отдельными квартирами, то когда эта реальная идея будет осуществлена, она перестанет воодушевлять народ. Более того, такого рода идея исходно не может воодушевить тех, кто до 2000 г. уже имел квартиру. Следовательно, всевозможные «реальные» идеи не годятся на роль национальных. А вот такие явно недостижимые и даже загадочные идеи, как «свобода, равенство, братство» — годятся. Ведь ни полной свободы, ни полного равенства достичь невозможно, а лозунг «братство» остается для большинства людей мистическим и непонятным довеском к первым двум. В этом смысле даже идея построения коммунистического общества оказалась гораздо слабее, ведь его построение — реальный общественный процесс, который должен был иметь завершающую стадию. И общество это понимало, поэтому советские люди ждали назначения конкретных сроков построения коммунизма хотя бы в одной стране. Что и вынудило Н.С. Хрущева указать такие сроки. В этой-то конкретности и исходной осуществимости как раз и была слабость коммунистической идеи, которой пытались заместить неосуществимую на Земле христианскую идею о Царствии Небесном.

К сожалению этой особенности не понимают очень многие, поэтому и в прежние времена в России и в наше время можно встретить такие варианты для Русской идеи, которые удивляют своей ограниченностью и приземленностью. Так, например, бывший в недавнем прошлом премьер-министром М. Фрадков связал национальную идею с повышением конкурентоспособности российских товаров². Но ни чуть не лучше предложения сегодняшних глобалистов, которые сводятся к простому лозунгу «Обогащайтесь!»³.

Четвертой особенностью национальной идея является то, что она должна быть совершенно не национальной. Более того, чем менее она национальна и чем более она **общечеловечна**, тем реальнее у нее шанс стать той самой путеводной звездой для какой-либо нации, культуры, цивилизации. Почему это так? Да потому, что любая нация, культура или цивилизация лишь тогда приобретают пассионарную энергию развития, когда они стремятся развить не только себя, а весь мир. Разве идея свободы, равенства и братства имеет национальные признаки? А идея всемирного коммунизма? И вся история человечества пронизана ил-

люстрациями того, как общечеловеческие цели, поднимаемые как стяг каким-либо одним народом, какой-нибудь одной культурой, какой-либо одной цивилизацией, делают их великими, героическими и помогают добиться действительного всемирного прогресса. И та же история человечества пронизана противоположными примерами, когда в качестве национальной идеи берется действительно национальная идея, то она ведет народ к поражению. Последний пример — идея нацизма об исключительности арийской нации. Фашизм проиграл свою битву в тот самый момент, когда поднял флаг национальной исключительности.

Из теории систем известно, что истинная цель для любой системы должна выбираться всегда вне ее самой. Только всемирная значимость идеи поднимает выбравшую ее нацию до мирового масштаба. Только те качества нации, которые являются ее ярчайшими свойствами, свойствами, которыми в такой же степени не обладают другие нации, качества, которые позволяют данной нации взяться за решение общечеловеческих задач с уверенностью, что лучше нее никто в эту же эпоху не сможет их решить, могут стать национальной идеей для народа. И исключительность таких свойств нации является исключительностью ее готовности к всемирному подвигу во имя прогресса всего человечества, а не исключительностью для возвышения над другими народами в высокомерной гордыне. Западная цивилизация, провозгласившая идеи свободы, равенства и братства, взяла на себя всемирную миссию освобождения мира от феодальных оков. Русская цивилизация, если она собирается поднять стяг национальной идеи, должна взять задачу аналогичного масштаба и сделать для ее осуществления больше остальных наций. И задача эта должна быть всемирного значения, а не локально-русского. При этом идея эта, как уже говорилось выше, должна быть актуальная, быть больше мечтой, чем программой с конкретным сроком осуществления. И здесь совершенно не подходят предлагаемые время от времени мелкие цели, типа борьбы с терроризмом или созданием противовеса для западной политической монополии. И уж тем более мелкой и далеко не всемирной целью является идея сбережения русского народа.

Увы, большинство современных авторов национальной идеи в России сегодня обманываются ее названием — «национальная», полагая, что это ее масштаб и это ее свойство. А слово «национальная» лишь обозначает ее **принадлежность** к данному народу и наличие глубинных резонансных отзвуков в национальной культуре. А масштабы настоящей национальной идеи должны быть всемирными и рассчитаны на вековое их осуществление.

Итак, парадоксально, но настоящая национальная идея должна быть не национальной, недостижимой в обозримом будущем и четко отвечать самым глобальным задачам всего человечества на момент ее выдвижения. При этом, хотя национальная идея и должна быть устремлена в далекое будущее, она обязательно должна одновременно давать импульсы для активной деятельности в настоящем. Идея должна быть общечеловеческой, однако находить отзвук в душе конкретного народа, давать импульс деятельности конкретной цивилизации.

Идеальной национальной идеей стала в свое время идея Царствия Небесного, рожденная в культурной среде еврейского народа. Нужны были тысячелетия развития национального духа и национальной мысли, чтобы через Ветхий Завет прийти к Новому Завету, в котором нашли отражение как самые сокровенные устремления еврейского народа, так и всемирная глобальная значимость идеи о Царствии Небесном. Именно эта идея и сделала еврейскую культуру всемирной. А еврейский народ — народом всего мира, народом, значение которого трудно переоценить для истории человечества. И именно идея Царствия Небесного для всех народов дала историческое оправдание всему предшествующему поиску еврейского народа своей исключительной роли в мире. Исключительная роль еврейского народа, его избранность в том и заключалась на самом деле, чтобы дать миру самую интернациональную, самую уравнивающую всех людей и все нации идею — идею христианства. А идея о всемирном господстве и превосходстве над другими народами столь же губительна для евреев, как идея арийского превосходства оказалась губительной для немцев. Трудно себе представить, к каким катастрофическим последствиям привела бы политика, которая бы провозгласила, что Царствие Небесное — только для евреев. Но уже в XX в. некую бледную тень такой интерпретации западная цивилизация родила в облике идеи «золотого миллиарда». В этой интер-

претации хорошее будущее ожидает только западные народы, а для остальных предлагается жизнь, по сути дела, в одном глобальном мировом концентрационном лагере. И здесь не стоит обманываться тем, что колючей проволока с вышками будет огораживать не весь этот лагерный мир, а избранный «золотой миллиард».

Идея Царствия Небесного для всех народов настолько глобальна, настолько далеко устремлена в будущее, что трудно представить себе иную идею, которая бы для человечества имела такие же масштабы⁴. Она была рождена для спасения еврейского народа, но по сути была общечеловеческой идеей, она манила к далекому и прекрасному будущему, но требовала каждодневного сегодняшнего духовного труда. Она уже содержала в себе все национальные идеи последующих культур, в том числе и идею свободы, равенства, братства. Нет другой идеи в западной культуре, которая была бы настолько национальной и одновременно настолько всечеловеческой, настолько глобальной и настолько конкретной, настолько устремленной в будущее и настолько же требовательной к поведению человека в каждую секунду его жизни. И все попытки во все времена «заземлить» эту идею в христианстве встречали осуждение, воспринимались как ересь, а в реальной действительности приводили к обратному эффекту, ибо на земле невозможно построить царствие **небесное**.

Россия практически никогда не имела четко сформулированной национальной идеи, хотя все ее компоненты по отдельности уже давно существуют в народном сознании. Официальная идея о православии, самодержавии и народности разрушилась вместе с царской империей, идея о светлом коммунистическом будущем человечества дискредитирована после развала СССР. В годы перестройки благодаря активности АКИРНа (Ассоциации по комплексному изучению русской нации, председатель академик Е.С. Троицкий) вновь всплыл интерес общества к формулированию национальной идеи. Был даже объявлен конкурс на формулирование национальной идеи, который, однако, не принес успеха. Впоследствии А.И. Солженицын выдвинул в качестве национальной идеи идею сбережения народа. Но мы видим, что при всей правильности самого лозунга о сбережении народа он по двум признакам не дотягивает до уровня национальной идеи, хотя и актуален, но не всемирнен и конкретен.

Отсутствие национальной идеи, которая в прошлом всегда в той или иной форме жила в русском народе и в правящих кругах, привело в настоящее время к тому, что большинством активных граждан исповедуются западные идеи либерализма и демократии, которые, как уже упоминалось, корнями уходят в западноевропейскую же идею о свободе, равенстве и братстве. И как всегда в России, опять возник разрыв между интеллигенцией и остальным народом, который хотя и не постулирует, но исповедует, пожалуй, другую национальную идею: «выживай как можешь».

Но может ли идея времен Великой французской революции стать идеологическим стержнем для жизни в России? Уже даже сама формулировка вопроса предполагает отрицательный ответ, ведь перед страной не стоит задача выйти из феодального общества. Однако для многих в современной России идеи демократии и либерализма настолько притягательны, что стоит внимательно разобраться в их глубинных корнях.

Триединый лозунг французской революции — «свобода, равенство, братство» был крайне актуален для всей Европы, которая на протяжении последних столетий постепенно переходила от феодализма к капитализму. Он в разнообразных вариантах входил в самые известные декларации и конституции западных стран. В последнем таком глобальном документе, Всемирной декларации прав человека, основанной на всех предшествующих демократических декларациях, уходящих корнями в XV век и принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., этот лозунг получил развернутое объяснение, а первая статья этого документа звучит так:

«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе **братства**». (Здесь и далее выделено мной. — С.С.)

Проведем логический анализ этой триединой формулы западной цивилизации.

Первая часть лозунга — СВОБОДА. Действительно, феодальные крестьяне были несвободны от рождения как экономически, так и духовно. Освобожденные от феодалов европейцы стали со временем весьма свободными гражданами, которые в большинстве своем самостоятельно выбирают для себя профессию и место работы по всему миру. Но разве для России в настоящее время актуально освобождение от феодальной несвободы? Безусловно, нет, ибо Россия сбросила оковы феодальной несвободы к концу XX в. окончательно для всех граждан.

Другая несвобода, с которой так или иначе боролась французская революция, была несвобода идеологическая, свобода от церкви с ее тоталитарным проникновением во все сферы жизни. И сегодня эта идеологическая свобода достигнута в целом для всех граждан западного мира. Они вольны выбирать для себя любую форму религии, вплоть до атеизма без угрозы притеснения со стороны общества. Но и здесь для России этот лозунг не актуален. После 1917 г., когда доминирующее влияние церкви в обществе было уничтожено, в СССР был идеологически воцарен атеизм. После крушения СССР в стране разрешены любые религии и любые идеологии (кроме экстремистских). Поэтому и здесь лозунг о свободе не актуален и не может воодушевить русский народ. Более того, стремление общества к свободе в настоящее время привело к культурной деградации, так как при полном отсутствии нравственности общество одичало и культура разрушена почти до основания. Образно говоря, от излишней свободы русский народ, пожалуй, уже тошнит.

Русские, как и во всем остальном, бросаются из крайности в крайность и в понимании свободы. Западное общество, провозглашая свободу, прекрасно понимало, что свобода имеет две стороны медали, что полная свобода в обществе ведет к анархии, вседозволенности, разврату и в конечном итоге к гибели общества. Поэтому полной свободы в западном обществе не было никогда и никогда не будет. Его идеологические институты строго следят за тем, чтобы свобода имела только позитивную направленность. Российское общество в силу того, что получило эту идею от западного соседа, а не вырастило ее само, неумело приняло ее в чистом виде и допустило свободу во всех ее проявлениях, что привело к национальной катастрофе.

Но здесь не только проблема российского общества, здесь и несовершенство этого лозунга как такового. Ибо, провозглашая свободу, европейское общество исходно лицемерило, прекрасно понимая, что полная свобода — явление отрицательное, что абсолютизация свободы ведет к разнузданной вседозволенности, разрушению нравственных и правовых основ общества и к свободе произвола. Чтобы объяснить миру, какую именно свободу западная цивилизация имеет ввиду, во Всемирной декларации прав человека 16 раз (!) встречается слово свобода и в половине статей дается развернутое объяснение, какую именно свободу она провозглашает. Приведем в качестве примера статью 19:

«Каждый человек имеет право на **свободу** убеждений и на **свободное** выражение их; это право включает **свободу** беспрепятственно придерживаться своих убеждений и **свободу** искать, получать и распространять информацию и идеи **любыми средствами и независимо** от государственных границ».

Но уже сегодня западное общество, которое даже воздвигло в Нью-Йорке статую Свободы (ставшую своеобразным символом западной цивилизации), начинает пятиться назад, все более сокращая степень свободы во всех областях своей жизни. И те из наших современников, которые начиная с 90-х уехали на Запад и попробовали «на вкус» западную свободу, уже полностью лишились иллюзий, которыми были отуманены в свое время западной пропагандой.

Следующая часть лозунга французской революции — РАВЕНСТВО — была очень актуальна для периода выхода из феодального общества, ибо в нем неравенство было освящено всем строем общества и предопределялось рождением человека. Одни права в обществе были у рожденных во дворянстве, другие — у рожденных вне его. И одаренный простолюдин

не мог (за редким исключением) реализовать свои способности из-за искусственной системы общественных отношений, а гораздо менее одаренные личности занимали в обществе места, для которых они не были предназначены.

Феодальное общество нарушало в этом плане законы, по которым способности каждого индивида определялись не столько его родословной, сколько Богом. И поэтому идея о равенстве долгие столетия была одной из важнейших в арсенале западного общества, которое преодолевало с ее помощью все рудиментарные остатки феодализма. Неслучайно эта идея стала ключевой в Декларации независимости США (1776 г.), Декларации прав человека и гражданина Франции (1789 г.) а затем основным стержнем в конституциях множества стран западной цивилизации. И действительно, по сравнению с феодальным современное западное общество обеспечивает каждому своему члену гораздо более широкий круг равных прав. Но именно прав, а не условий жизни. Равенство на Западе не превратилось в уравниловку, хотя в XX в., во время идеологической борьбы с идеями коммунизма, Запад создал уникальную систему выравнивания жизненных условий, построив в Европе даже несколько практически социалистических обществ (в частности, в Швеции).

Что касается России, то она, как всегда в крайней форме, реализовала этот лозунг в социальной жизни в советскую эпоху. При этом довела его до абсурда — уровень жизни человека в обществе уже практически не зависел от его вклада в общество, от его способностей и усилий. Превратив идею равенства в идею уравниловки, российское общество западную идею равенства возможностей, равенства вне зависимости от происхождения превратило в идею равенства во всем без исключения, доведя ее до абсурдного предела. Правда, в 90-е годы Россия шарахнулась в другую крайность. Дав всем равные возможности добиваться коммерческого успеха, государство совершенно забыло о социальной справедливости. И уничтожив уравниловку, новая Россия заодно бездумно и размахисто уничтожила и равенство.

Но виноват ли здесь только русский размах? Нет, виновата в первую очередь сама идея о равенстве. Эта идея, которая в процессе борьбы с феодальными отношениями в свое время была правильной и позитивной, по большому счету является очень опасной и насквозь лицемерной. Ведь совершенно очевидно, что даже если не рассматривать различие стартовых условий, которые обеспечиваются для детей родителями, сами дети рождаются абсолютно разными. Каждый человек приходит в этот мир с разными задатками и разными способностями. И каждый человек, если ему дать действительную свободу для реализации, достигнет в обществе совершенно разных результатов. Поэтому равенство по результатам так же невозможно, как и равенство прирожденных способностей. Прекрасно понимая это, западные идеологи постоянно объясняли и будут объяснять в будущем, что именно они понимают под равенством. Последнее такое объяснение и представляет собой Декларация прав человека. Практически каждая статья в ней начинается со слов «каждый человек имеет...», тем самым подразумевается, что все права принадлежат всем людям в равной степени. Но этого мало и Декларация содержит 12 слов «равенство». Приведем в качестве примера статью 7:

«Все люди **равны** перед законом и имеют право, без всякого различия, на **равную** защиту закона. Все люди имеют право на **равную** защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации».

Но спросим себя, является ли этот принцип реальным для западного общества? Очевидно, что у богатых граждан Запада, которые могут нанять лучших адвокатов, гораздо больше возможностей уйти от наказания, чем у бедных. И современное западное общество, декларируя везде где только можно лозунг о равенстве, нарушает это равенство везде же. И постоянные выступления в Европе и США низших слоев общества против этого нарушения — яркое свидетельство того, что идея социального равенства порочна в корне и такое равенство недостижимо в принципе.

Но еще более вопиющие нарушения принципа равенства Запад демонстрирует на международной арене. Уже хотя бы потому, что по отношению к «чужим» им стесняться осо-

бенно нечего. И во всем мире уже открыто говорится о системе двойных и даже тройных стандартов западной цивилизации, которые при более внимательном рассмотрении оказываются системой *многоуровневых* стандартов, где количество уровней с каждым годом растет. И никого уже особенно не удивляет, что США могут позволить себе бомбардировки в Европе и захват арабских стран, организацию «цветных» революций и многое другое, что все дальше уводит Запад от юношеского идеала мечты о демократии. Где же равенство? Если можно бомбить Югославию, с политикой которой не согласны США, то почему бы не бомбить и современную Германию, которая протестует против нападения на Ирак?

Провозгласив идею о равенстве, Запад боролся с помощью этой идеи со своим феодальным прошлым, мало задумываясь о том, что будет, когда феодализм будет побежден повсюду. А сегодня, когда идея равенства, записанная во всех декларативных документах западной демократии, нарушается тотально ею же повсюду, западное общество вынуждено лукавить, изворачиваться и лгать. «По оценке Всемирного банка, среднедушевой доход 20 самых богатых стран мира в 37 раз превышает доход 20 самых бедных стран, что вдвое больше соотношения, которое отмечалось в 1970 г... А как раз в 70-е годы в ООН намечалось к 2000 г. сократить разрыв ВВП на душу населения в развитых и развивающихся странах — с 12:1 до 7:1...»⁵. Где же равенство? Но отказаться от идеи равенства публично Запад уже не может, как не могут китайцы отказаться до конца от преклонения перед Мао Цзэдуном, хотя и строят в стране полным ходом капитализм, с которым тот боролся всю жизнь.

Третья часть западной идеи — БРАТСТВО. Эта идея при первом взгляде выглядит совершенно непонятной и таинственной. Что такое братство в западном обществе? Масонское, что ли? Ясно, что братство предполагает особые отношения между мужчинами, ибо этот лозунг в применении к женщинам нелеп. Так что же, эта часть формулы — только для западных мужчин? И как же его реализовать на практике?

Попытаемся разобраться в истоках этого лозунга. Дело в том, что гармония в обществе предполагает не только равенство и свободу. Равные друг другу люди могут быть и абсолютно свободными, но ненавидеть друг друга до смерти. Недаром же в дикой Америке родилась прическа: «Бог создал всех людей разными, а полковник Кольт сделал их равными». Вот так и представляется этот идеал западного общества свободных и равных людей — с кольтами наизготовку, напряженно озирающихся вокруг в поисках противника. Очевидно поэтому, что к двум лозунгам о свободе и равенстве нужно было обязательно добавить третий, который бы символизировал некоторую дружественность между свободными и равными людьми. В христианстве эта идея существовала давно и выражалась адекватным понятием — любовь. Но для революционного лозунга это слово не подходило по многим причинам. Во-первых, потому, что оно исключало какую либо борьбу с феодализмом, исключало, например, гильотины. Термин же «братство» предполагал братские отношения между теми, кто собирался бороться за свободу и равенство, с феодалами — не братьями. Во-вторых, революция — дело в первую очередь мужчин. Провозглашать между ними любовь — давать повод на двусмысленные подозрения и намеки. В-третьих, само слово «любовь» воспринималось большинством общества как указание на взаимоотношения между мужчинами и женщинами, что сразу же вызвало бы у революционеров ненужные ассоциации. И в-четвертых, термин «любовь» как понятие общечеловеческое был провозглашен задолго до французской революции христианской церковью. Революция, которая одновременно боролась и с клерикализмом в обществе, не могла себе позволить напрямую взять этот лозунг на вооружение. Как видим, даже одной причины было достаточно, чтобы вместо более подходящего лозунга о любви между всеми людьми взять его заменитель — «братство».

Ясно, что сегодня лозунг о братстве уже не нужен западному обществу, и оно бы с удовольствием от него избавилось, но из песни слов не выкинешь, и западное общество аккуратно обходит истоки его возникновения, делая вид, что и так всем все понятно. Именно поэтому слово «братство» лишь 1 раз (!) встречается в Декларации прав человека — кивок вежливости в прошлое — и не имеет никаких объяснений. И этот термин до сих пор остается для большинства людей самым загадочным в западной идеологической триаде.

Российское общество, слепо приняв западную модель развития в 90-е годы, заодно бездумно приняло и все ее идеологические принципы. И если в советское время оно слепо следовало двум последним лозунгам: равенство и братство, отмахиваясь от свободы, то с 90-х годов решило примерить наконец-то первую часть западной формулы — свободу, но зато выбросило на свалку и равенство и братство. Впрочем, братство было возвращено в общество криминальными структурами, для которых этот лозунг оказался весьма кстати. Вместо закона они стали применять понятия, а слово «братство» у них трансформировалось в обращение друг к другу — «братан». Для братков, впрочем, вполне закономерно использование этого слова, ведь братство всегда предполагает и небратство, т.е. неких противников, против которых и объединяются братьва. В целом для них противником является все остальное общество, на котором они и паразитируют. И если бы российский криминал написал свою декларацию, то все ее статьи вполне могли бы начинаться со слов: «Каждый братан имеет...» Ох, не простит западная демократия такого издевательства над своими идеалами братанам...

В новой России в 90-е годы взамен старой коммунистической идеологии стали развиваться и новые идеологические поиски. В частности, в созданном крупным российским предпринимателем А.С. Паникиным идеологическом обществе «Солидарность» совместными усилиями была разработана новая для России идеология, которая далеко не случайно получила выражение в названии книги М.Б. Кругова «Философия свободы и справедливости»⁶. В этой версии новой идеологии ее автор, следуя интуитивным находкам А.С. Паникина, отбросил из западной формулы слово «братство», а термин «равенство» заменил на более емкий термин — справедливость (кстати, неспроста, ибо в Декларации прав человека слово «справедливость» встречается 3 раза и неявно заменяет везде слово «равенство»). Впрочем, отброшенное «братство» каким-то мистическим образом вернулось в круг идеологии нового предпринимательства в названии созданной ими партии — «Солидарность», но находка принадлежит славянским (польским) западникам. И хотя в отношении четкого разнесения идей свободы и справедливости по полюсам общественных векторов эта философия была абсолютно права, в целом вся философия новой не оказалась, она лишь стала неким ремиксом западной же идеи свободы и равенства.

Рассмотрим, кстати, что дает замена слова «равенство» на «справедливость». Ну, во-первых, это дань русской традиции искать в общественных отношениях прежде всего справедливость. Во-вторых, справедливость в обществе многими до сих пор ошибочно и воспринимается как социальное равенство, что пусть и неверно, но распространено повсеместно. Дело в том, что понятие справедливости еще более двойственно, чем понятие свободы. В советской энциклопедии справедливость определяется так:

«Справедливость, категория морально-правового и социального политического сознания, понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Содержит требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, между трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т.п. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость»⁷.

Так, удивительным образом дефиниция советской энциклопедии противоречила основополагающему социальному принципу СССР — уравниловке в труде. Что лишний раз свидетельствует о раздвоенности общественного сознания не только на Западе, но и в копирующей его России. Провозглашая в энциклопедии одно понимание справедливости, которое, естественно, противоречило уравниловке, советское общество при этом внедряло в жизнь совершенно иное понимание справедливости, как выравнивания всех людей в обществе.

Что же можно предложить для России в качестве национальной идеи, исходя из всего вышесказанного? С одной стороны, следует не столько изобретать новые идеи, сколько найти в истории русской культуры те идеи, которые уже многие годы вдохновляли российское

общество. С другой — Русская идея должна соответствовать всем тем требованиям, которые были обозначены выше: целеустремленность в будущее и всемирная актуальность. Первая проблема данного поиска заключается том, чтобы из множества уже давно волнующих российское общество идей выбрать самые ключевые. Вторая задача заключается в том, чтобы этих идей было немного (не более трех, скажем), но чтобы они отражали самые важные цели для России на ближайшие столетия и не повторяли друг друга.

К сожалению, задачу сформулировать *кратко* русскую идею редко ставят перед собой современные философы. Приведем типичный пример расплывчатой формулировки:

«Русская идея — это стержневое выражение русского национально-патриотического, православного самосознания, целая система взглядов, умонастроений, высоких политических, экономических и морально духовных принципов, которая предусматривает всемерное сбережение русской нации, решительную защиту ее интересов, независимость страны, воссоздание Русского национального государства при сохранении национальных автономий и обеспечении равенства прав граждан независимо от национальной принадлежности, соборное единение народов и социальных слоев, всех тех, кто любит наше Отечество, в целях возрождения великой России»⁸.

Хотя спорить с каждым отдельным тезисом этого текста нет смысла — все правильно, но эта формулировка академика Е.С. Троицкого просто не дотягивает до уровня Русской идеи. Точнее, ее можно считать лишь временным лозунгом. Как претендент на глобальную национальную идею, данная формулировка имеет несколько недостатков. Во-первых, идея выражена многословно, это не лозунг типа «Свобода, Равенство, Братство». Во-вторых, идея исключительно направлена на русскую нацию, она замкнута и не обладает главным свойством национальной идеи — всемирностью. В-третьих, это идея скорее для обороны, а не для активного развития. И вот уж действительно, мир полон символов, когда обращаешь внимание, что весь сборник, откуда взята эта формулировка, выпустило издательство «Граница». Такого рода формулировка Русской идеи имеет в этом случае чуть ли не профессиональную акцентированность — это вариант русской идеи для пограничников. Даже такой всечеловечный принцип, как принцип соборности, заужен здесь до соборного единения *российских народов и социальных слоев*.

Итак, приступая к формулированию и обоснованию Русской идеи, национальной идеи для России, будем опираться на системные правила, которые были описаны выше, и ничего нового выдумывать не будем, а лишь выберем из всего спектра ранее рожденных в русской культуре идей самые актуальные. При этом постараемся найти не просто новую формулу для Русской цивилизации, а формулу-аналог формуле «свобода, равенство, братство».

Часть национальной идеи первая:

Поставим вместо лозунга свободы лозунг о ТВОРЧЕСТВЕ.

Чем лучше этот идеал для российской цивилизации, чем идеал свободы? В первую очередь тем, что творчество — свойство истинно свободных людей, и только в творчестве человек может быть по настоящему свободен. Во-вторых, тем, что в отличие от понятия свободы понятие творчества — векторная величина. Творчество всегда направлено на созидание, а свобода может быть направлена на что угодно, в том числе и на разрушение. Провозглашая вместо свободы творчество, мы сразу же решаем проклятый вопрос западной цивилизации — вопрос о том, до какой степени необходимо разрешать свободу в обществе, а откуда ее запрещать. Ибо любые творческие усилия направлены на развитие общества, на его обогащение, поэтому любое истинное творчество позитивно. Третьим преимуществом этого лозунга является то, что творчество — свойство, присущее исключительно людям, а свободным может быть и одинокий волк. Если серьезно задаться вопросом о том, что именно сделало человека человеком, что именно выделило его из животного мира, то кроме очевидных качеств (прямохождение, речь, мышление, овладение огнем и труд) наиболее комплексным и корневым качеством является способность человека творить, которая напрочь отсутствует у

животных. И более того, недаром одним из наиболее частых словосочетаний в Священном писании является словосочетание Бог-Творец. Именно творчество приближает человека к Богу, давая надежду на его преображение в будущем в истинного творца. Животные не создают в этом мире ничего нового, лишь человек способен к творческому преображению окружающего мира, и именно в этом он похож на Бога-Отца, а не в его физиологическом облике, который уж слишком близок к обезьяне, чтобы представлять таким же и Бога.

Кроме того, творчество обладает одним уникальным свойством, которое выделяет его среди всех остальных видов деятельности человека. Можно приготовить вкусный обед, построить небоскреб, можно выпустить в год миллионы автомобилей — все это будет съедено, изношено или рано или поздно разрушено. Лишь плоды творчества остаются людям навсегда. Навсегда останется человечеству идея колеса, таблица умножения, компаса, музыка Моцарта и стихи Пушкина. И пользоваться этими плодами творчества могут все люди на Земле, что делает творчество воистину христианским явлением, когда Творец все отдает людям.

Если соединить это понятие с предыдущим, западноевропейским, то можно составить следующую часть «формулы» — **Творческая свобода.**

Вторая часть национальной идеи России:

Вместо идеи о равенстве поставим идею **СОБОРНОСТИ.**

Что такое равенство, понятно всем, а вот что такое соборность — нуждается в дополнительном разъяснении. Слово «собор» в первую очередь ассоциируется у людей с христианским храмом, затем со вселенскими соборами христианской церкви. И это правильные ассоциации. Ибо собор имеет смысловой корень в действии — собирать вместе. Собрать всех вместе в христианской традиции можно только с помощью любви и общей веры. «Собрание» из этого корня и близко по своему значению, но мы хорошо помним партийные собрания различных направленностей. Соборность предполагает парадоксальное сочетание, казалось бы, антагонистических понятий. Ведь эта кажущаяся парадоксальность в природе реально проявлена в гармонии единого живого организма, состоящего из множества клеток и органов. Соборность — это единство в разнообразии. Само разнообразие уже предполагает различие, что в пределе ведет к отталкиванию и вражде. Разнообразие — понятие противоположное равенству. С другой стороны, соборность уравнивает все различные части в том смысле, что они совместно начинают выполнять общие задачи, действуют согласованно и гармонично.

Соборность как принцип единения можно противопоставить другому принципу — единству однообразия. Что же здесь принципиально различается? Единство с сохранением различия и индивидуальности частей целого предполагает на порядок более сложный принцип синтеза, чем единство, основанное на одинаковости и унификации. Сегодня западная цивилизация пытается объединить весь мир на принципах однообразия и общих стандартов. Внутри США уже давно люди самой различной культуры и происхождения объединены в общем котле, в котором их национальные и культурные различия переплавляются в единую «похлебку» для всех, при этом все разнообразие этих людей стирается настолько, насколько это возможно. Этот процесс, начатый в недрах одной страны, сегодня навязывается всему миру.

Такой подход к объединению мира имеет как позитивный аспект, так и негативный. Позитивность его в том, что, если во всем мире используются единые меры, единые стандарты на всю технологическую инфраструктуру общества, то это существенно облегчает взаимодействие всех стран. Болты и гайки должны быть взаимозаменяемы во всем мире независимо от того, кто их делал — медлительный эстонец или горячий мексиканец. Смешно подходить к технологическим задачам со своими национальными особенностями.

Негативной стороной такого подхода является то, что унифицируется и выравнивается при этом по инерции то, что ни в коем случае нельзя унифицировать, — культурные особенности разных народов. Мир устроен так, что в нем есть целостность одинаковых частей и целостность разных частей. Целостность одинаковых частей свойственна преимущественно

мертвой природе. Кусок камня или металла — это целостное соединение одинаковых атомов или молекул. Но целостность живого организма, например человеческого, — на порядок сложнее. Ибо в живом теле соединены вместе совершенно разные органы и системы. Никто не возмущается при этом тем, что печень и легкие живут по собственным принципам, имеют свою уникальную специфику. Ибо они выполняют в живом организме различные функции, но так, чтобы поддержать общую целостность. Культурное различие человечества в XXI в. — это палитра разнообразия разных частей, предназначенных для разных функциональных задач. Необходимо это осознать и не стирать грани между исламом и христианством, между индийцами и ирландцами, а сохранить все это разнообразие и собрать всех вместе для осуществления общечеловеческих задач. Это и есть главная идея соборного единства России, которая всю свою историю собирала различные культуры без оголтелого стремления их унифицировать и до сих пор бережно относится к разнообразию своих народов, которые входят в соборную историю России.

Поэтому западный принцип объединения позитивен, если только рассматривать его как подготовительную операцию для объединения всего мира. Дело в том, что объединить унифицированные части гораздо проще, чем части, обладающие разнообразием и индивидуальностью. Перед тем как объединить мир соборно, сохранив разнообразие всех его культур, необходимо произвести его предварительное объединение на принципах унификации. И здесь невольно вспоминается русская сказка о живой и мертвой воде. В ней, как известно, разрубленного на куски героя сначала соединяют, потом сбрызгивают мертвой водой и все части срастаются. И лишь когда тело сбрызгивают живой водой, герой оживает.

Человечество подошло к XXI веку разъединенным. И сначала необходимо сложить все «куски мира» в некое целое тело, чтобы они срослись. Лишь затем это тело можно будет окропить живой водой духа, чтобы оно ожило в целостном единстве Ноосферы. Первую часть соединения должны сделать американцы. Вторую часть процедуры предстоит осуществить российской цивилизации.

Но соборность предполагает не только политическую компоненту. Это должно стать универсальным принципом объединения людей на любом уровне их общности: от семьи до Ноосферы. И здесь предстоит огромная работа по преобразованию принципов взаимоотношения людей как в небольших коллективах, так и в масштабах областей, народов, государств и цивилизаций. Переход от принципа равенства к принципу соборности, кроме того, должен наконец-то разрешить проблему лицемерности западного лозунга. Никому исходно не обещается равенства, ни человеку, ни народу, ни цивилизации. Обещаются лишь **равные возможности для реализации разного потенциала**. И эта парадоксальность снимает коренное противоречие принципа равенства, разводит все части целого человеческого сообщества (от личности до общества) по разным этапам их развития, предоставляя на каждом этапе осуществлять собственную программу дальнейшего развития, которая бы гармонично сочеталась с общей целью человечества. Лозунг соборного единства гораздо более емкий и честный, чем лозунг о равенстве. И он «генетически» не совместим, например, с такими идеями, как идея «золотого миллиарда», ибо для создания гармоничного целого невозможно оставить какую-то свою часть без развития и без перспектив. Например, как может человек выделить только свою верхнюю правую часть своего тела как «золотую», а остальное тело — как область «третьего мира»? Полный абсурд, если принять за базовый принцип соборность.

Если же этот принцип соединить с предшествующим принципом равенства и братства, то можно его сформулировать буквально двумя словами — **соборное единство**.

Третья часть формулы Русской идеи.

Братство необходимо заменить КОСМИЗМОМ.

Почему? Ведь это на первый взгляд совершенно разные понятия.

Во-первых, потому, что братство как принцип объединения уже не нужно для новой формулы, ведь соборное единство включает в себя более полный принцип дружественного объединения — принцип любви, так как без любви невозможно создать целостную и притом жи-

вую систему. Поэтому творчество и соборность уже вбирают в себя в более глубоком смысле и свободу, и равенство, и братство. Во-вторых, космизм предполагает некую общую глобальную цель для всего человечества, которая может стать объединяющей на многие столетия вперед и снять множество противоречий, что поможет реализовать и принцип соборности. В-третьих, очевидно, что без творчества и соборности не осуществить глобального выхода в космос. В-четвертых, без выхода в космос человечество в будущем просто погибнет либо в экологической, либо в социальной катастрофе⁹. И альтернативы выходу в космос просто нет. К сожалению, эта весьма очевидно просчитываемая перспектива остается для очень многих людей некоей абстракцией, не имеющей в их сознании ни реальной угрозы, ни реальной связи с их жизнью. Надо отметить, что большая часть людей в XXI в. потеряла способность видеть далекую перспективу, которой обладало цивилизованное общество в XX в. Недаром всплеск фантастической литературы пришелся именно на прошлый век. И это было отражением общечеловеческого поиска новых глобальных целей и перспектив развития для всего человечества. Сегодня же общественное мнение существенно актуализировалось и замкнулось на очень краткосрочных прогнозах. Возможно, это является отражением резкого старения западной цивилизации и как следствие — ориентации ее на короткие задачи. Русская цивилизация моложе западной на 500 лет минимум, и поэтому для нее в гораздо большей степени важно видеть далекую перспективу и не следовать наставлениям дряхлеющей европейской философской мысли.

В-пятых, человечество, на мой взгляд, как вид появилось на Земле именно для того, чтобы вывести жизнь за пределы Земли, дать ей возможность овладеть четвертым фазовым пространством¹⁰. В-шестых, человечество только тогда родится как разумное сообщество, когда по-настоящему оторвется от материнского тела Земли, в чем был совершенно прав К.Э. Циолковский. Всех этих причин уже достаточно для того, чтобы поставить идею овладения космосом в общую формулу национальной идеи для России. Но можно приводить еще множество других аргументов в пользу космизма. В частности, как ни парадоксально, но именно в космических колониях землян на первом этапе будут на самом деле реализованы два принципа западной формулы — равенство и братство. Ибо невозможно себе представить неравных условий для жизни на маленьких станциях первого поколения. А братство будет неизбежным состоянием первых колонистов, заброшенных в отдаленные от человечества просторы и выполняющих в экстремальных условиях общую (и одновременно локальную) задачу.

Итак, вместо свободы, равенства и братства для России предлагается другая триада — **Творчество, Соборность и Космизм**. Не претендуя на окончательность формулировки, можно предложить и иной ее вариант: **Творческая свобода, Соборное единство, Выход в космос**.

Соответствует ли она ранее выделенным признакам национальной идеи?

Общечеловечность этой триады очевидна, и не требует обоснования. Недостижимость ее близка к недостижимости Царствия Небесного, ибо создать целостную Ноосферу, в которой каждый ее член был бы творцом и вывести ее в космос — цель сопоставимая с переходом всего человечества именно в Царствие Небесное. И в то же время эта триада конкретна и позволяет целенаправленно действовать уже сегодня, ибо цели создания творческого соборного общества, которое овладевает космосом — вполне реальны для их реализации уже сегодня.

Насколько же эта триада национальна для России?

Что касается космизма, то здесь нет сомнения в российской специфике. Вселенский охват русской культуры — общее место для всех грамотных людей. Еще Екатерина II сказала, что Россия — это не страна, а вселенная. Недаром именно русская философская традиция одним из основных стержней имеет в себе космизм, который несли в своем творчестве такие всемирно известные мыслители, как Федоров, Циолковский, Вернадский, Чижевский и многие другие. И далеко не случайно именно Россия, несмотря на тяжелое послевоенное положение, сумела первой вывести в космос и спутник, и человека.

Также не вызывает сомнения и национальный резонанс в идее соборности. В качестве таковой соборность была выдвинута еще А.С. Хомяковым (1804–1860), который, разъясняя ее суть, писал, что она «в полноте своего божественного учения представляла идеи единства и свободы, неразрывно связанные в нравственном законе взаимной любви»¹¹. Впоследствии о соборности как об особенности русской идеи писали Н. Федоров, Н. Бердяев, Ф. Достоевский, В. Муравьев, сегодня об этом же принципе говорит и Русская православная церковь. И до сих пор в российской культуре принцип соборности вызывает особый трепет, ведь он одновременно резонирует с глубинными всечеловеческими настроениями русского народа и становится основополагающим в деле объединения других народов без ущемления их специфики.

Была ли идея творчества присуща поиску философской мысли России в прежние времена? Безусловно. О творческом характере русского народа писал еще А.С. Пушкин. Ф. Достоевский в свое время выразил эту особенность очень образно: «Дайте русским мальчикам карту звездного неба, и они наутро вернут ее переделанной». Особую творческую силу русской культуры отмечали и иностранцы. Так, словак Л. Штур писал в середине XIX в. об особой творческой русской силе, в том же веке немецкий барон А. Гакстгаузен писал: «Русский народ имеет ко всему способности и талант»¹².

Насколько творчество является особым явлением именно для русских? Как показал анализ особенностей национального характера, который был опубликован автором в книге «Российский ренессанс в XXI веке»¹³, именно для русского трудового характера присущ набор специфических черт, которые все вместе создают идеальное сочетание для личности изобретателя. Это русская сметка, наблюдательность, эвристичность, всеохватность, авральность, пренебрежение материальными ценностями и т.п. Проблема лишь в том, что, истинный творческий взлет России еще впереди и оценивать его приходится сегодня по Серебряному веку, по заре русского творческого периода, который будет разворачиваться постепенно в ближайшие столетия все более мощно и всеохватно. «...Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем он желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то спасли его в веке мучений» (Ф.М. Достоевский). И именно благодаря неизрасходованному потенциалу творческого начала России его реализация в будущем сможет вывести русскую национальную идею на уровень общечеловеческого масштаба и позволит России наконец-то найти свое достойное место в соборном единстве культур всего мира.

P.S. Национальная Идея России — НИР. Именно так сокращалась всегда в советское время научно-исследовательская работа... Может быть, в этом совпадении есть особый смысл?

P.P.S. Если вдуматься в общий принцип всех национальных идей, которые возникали в западном обществе после Христа, то невольно проявляется их скрытый смысл — поднять принципы любви, изложенные в Новом Завете, которые Христос принес людям на более высокий уровень общественной иерархической структуры. Недаром же Томас Джефферсон, автор американской Декларации независимости, заявлял: «Мы должны вернуться к божественным законам». Но идея «Свобода, Равенство, Братство» — эта идея, несмотря на ее всемирность, есть идея для западного общества, для установления внутри него христианских заповедей. И не случайно в конце своей эволюции Запад пришел в теории и на практике к идее «золотого миллиарда» — земного рая для избранных, для своих. А русская идея о творчестве, соборности и космизме выше по своему потенциалу и охвату. Она также является лишь проекцией на конкретную мировую ситуацию идей Христа, но предполагает действительное гармоничное объединение всех людей и всех народов в единое целое, а не в два разных по своему экономическому уровню лагеря. И это не просто благое пожелание, ибо только благодаря творческому преобразованию мировой экономики и выводу энергетики на космические орбиты удастся выровнять экономическое положение всех стран мира и уйти от губительного варианта разделения человечества на избранных и изгоев.

Москва–Конаково, 2006

-
- ¹ В этом документе, принятом ООН в 1948 г., 16 раз встречается слово «свобода», 12 — «равенство», 3 — «справедливость» и 1 раз — «братство».
- ² Русская этнополитическая и национальная идея. М.: Граница, 2006, с. 32.
- ³ *Троицкий Е.С.* Русская этнополитология и возрождение отечества. — Русская этнополитологическая и национальная идея, с. 33
- ⁴ Хотя для буддистов при этом данная идея вообще не может быть путеводной звездой, ведь они в своих мечтах устремлены еще дальше — к нирване. Поэтому общечеловеческий масштаб Царствия Небесного — это всего лишь, возможно, дань сегодняшнему превосходству Запада над Востоком, у которого несколько иная система ценностей.
- ⁵ *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Россия-2050. Стратегия инновационного прорыва. М.: Экономика, 2004, с. 27.
- ⁶ *Кругов М.Б.* Философия свободы и справедливости. Идеология информационного общества. М.: Gakapublishers, 2003.
- ⁷ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990, с.1273.
- ⁸ *Троицкий Е.С.* Русская этнополитология и возрождение отечества. — Русская этнополитологическая и национальная идея, с. 35.
- ⁹ *Сухонос С.И.* Силы России. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Новый центр, 2006.
- ¹⁰ *Сухонос С.И.* Жизнь в масштабе Вселенной. — Человек в масштабе Вселенной. М.: Новый центр, 2004, с. 7–138.
- ¹¹ Русско-славянская цивилизация (сб. статей). Рук. кол. Е.С. Троицкий. М.: Наш современник, 1998, с. 79.
- ¹² См.: *Троицкий Е.С.* Русская этнополитология и возрождение отечества, с. 44
- ¹³ *Сухонос С.И.* Российский ренессанс в XXI веке. М.: Планета, 2001.